

О Т З Ы В

**о диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности**

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации

Комкова Антона Валерьевича

«Пути рецепции философии А. Шопенгауэра

в русской литературной культуре второй половины XIX века»

При решении многих актуально значимых проблем в отечественной филологической (литературоведческой) науке сложились два подхода. Исторически первым был подход, ориентированный на многогранность и цельность научного знания. В соответствии с его программой литература являлась не просто отдельно взятым видом искусства, а особенной формой философского мышления в образно-художественном виде. Эту идею – в границах западной, европейской культуры – высказывали античные мыслители, но наиболее системно, последовательно – немецкие романтики; от них через понятие и термин «философская эстетика» она перекочевала в германское и российское литературоведение (в начале XX столетия ее выразителем был М.М. Бахтин). Второй подход подчеркивал важность спецификаторства в науке; он утверждал относительную независимость, автономность литературоведения, когда главное внимание уделяется внутренним, имманентным связям внутри текста. И тот, и другой подход, разумеется, законны. Но первый подход обладает более широкими перспективами; к нему, по нашим наблюдениям, обращаются чаще.

Одним из способов актуализации философско-ориентированного подхода является изучение восприятия литературным сознанием (сознанием конкретной исторической эпохи или личности в ее индивидуально-творческом своеобразии) философских произведений. В этом плане диссертация А.В. Комкова, посвященная рецепции шопенгауэровского пласта русским художественным мышлением, лежит в русле проторенных методологических путей; вместе с тем она содержит новизну, заключающуюся в опыте полноценной, развернутой реконструкции процесса взаимодействия «философии А. Шопенгауэра и русской литературной культуры второй половины XIX века» (с. 9), знаковой фигурой которой был А.А. Фет. Иными словами, диссертант предпринял попытку не просто осветить характер восприятия Фетом неклассической иррациональной философии А. Шопенгауэра (трудов об этом немало), а продемонстрировать особенность ее отображения в контексте того литературного «пейзажа», который образовался во второй половине XIX столетия, в том числе через привлечение материалов русской периодической (журнально-газетной) печати тех лет. Такое сопряжение творческих «вершин» с «низовыми этажами» словесности нельзя не признать верным, тем более что оно как принцип входит в ядро понятия «литературная культура», которым активно и обоснованно оперирует диссертант.

Наиболее значимой частью «Введения» является пункт о степени научной изученности рассматриваемой проблемы. Диссертант достаточно тщательно, с пояснениями, в хронологическом порядке прослеживает основные этапы обращения исследователей к «шопенгауэровской теме» (с. 3–8). Как можно понять, определяющим звеном этих штудий стала для автора статья известного фетоведа Г.Б. Курляндской о философских мотивах позднего периода творчества Фета, в которой указано на целесообразность пересмотра – в новом свете – связи фетовской поэзии с философией Шопенгауэра (с. 5). Цели, сопутствующие ей задачи в вступительном разделе диссертации определены вполне прозрачно. Хотелось бы только выделить стилистическую неточность формулировки цели – «определить *сценарии* рецепции и творческой интерпретации философии А. Шопенгауэра» (с. 9): красивое как любая метафора, слово «сценарий» по смыслу включает наличие плана (схемы, вектора, «зародыша») будущего, как оно разовьется и оформится, а исследователь все-таки освещает модель уже реализованного, состоявшегося в культурной истории, поэтому, видимо, было бы несколько точнее, уместнее говорить об «*опыте* рецепции философии А. Шопенгауэра».

Вызывают размышления и термины «диалог», «диалогические связи», положенные диссертантом в основу своего исследования. Конечно, нужно исходить из того, что рецепция – ключевой, стрелковой механизм культурного диалога; отсюда – позиция автора по поиску путей, каналов, форм, способов «рецепции» справедлива, как справедливо его утверждение (со ссылкой на работу акад. В.М. Жирмунского, с. 13) о том, что литературное сознание – не изолированная «вещь-в-себе». Однако, как кажется, «диалог» – по исходным посылам – предполагает установление *двусторонней* связи, и значит, употребляя термин «диалогизм», мы имеем в виду не только рецепцию (через Шопенгауэра) «немецкого элемента» в России, но и (едва ли не автоматически) «русского» в Германии. Подчеркнем, что это не ангажированная «придирка» к словам, а оправданное желание уточнить концептуальную базу современной тезаурусной лексики: слово «диалог» сейчас употребляют часто, оно вошло в разряд модных, и к нему по инерции относят все то, что, пожалуй, может трактоваться лишь как *часть диалога*, то есть как канал рецепции одного субъекта диалогической системы, его односторонней адаптации «чужого» на родной, национальной почве.

В диссертации довольно четко – от общего к частному – сформулированы положения, выносимые на защиту (с. 18–20). Особо мы выделили бы пункты, в которых фиксируются (а) сложность (поэтапность, многоступенчатность) восприятия Шопенгауэра русским культурным сознанием («опосредованное знакомство» – «детальный анализ» – «процесс переосмысления», п. 2), (б) внутренние причины обращения Фета к автору «Мира как воли и представление» (п. 7), (в) общий интерес отдельных представителей русского образованного общества к нему (пп. 3 и 7).

Композиция трех глав (с делением на параграфы), составляющих структуру работы, представляется обоснованной: дедуктивный принцип, лежащий в

ее основе, позволяет с трех ракурсов описать проблему (через объяснение сути философский штудий Шопенгауэра к русскому художественному контексту, от него – к творчеству Фета как главному субъекту рефлексии над «шопенгауэровской темой» в России). Отрадно, что каждая глава содержит краткие информативные выводы.

Первая глава диссертации носит обзорный историко-философский характер. Автор в ней скрупулезно объясняет смысловое наполнение шопенгауэровской философии в ее различных разделах (онтологии, метафизики, антропологии). Нет сомнения в необходимости такого рода введения в тему (или, говоря языком самой философской традиции, «пролегоменов»). Однако, возможно, стоило бы эту часть работы немного сократить: некоторые ее места компилятивны (так, локусы, касающиеся истоков шопенгауэровской философии, разочарований европейских интеллектуалов в возможностях разума, кризисные тенденции эпохи, в которую жил философ, давно и хорошо освещены в научной и, тем более, научно-популярной литературе). Тем не менее автор (отметим это в позитивном ключе) не занимается сплошным пересказом. Он старается высветить сущностные ориентиры шопенгауэровской философии, которые найдут отклик в русской литературе; среди них – тема одиночества, пессимизма, тоски, усталости; рассматривается контекст «неклассического» чувства («мировая скорбь» Байрона, мифология ночи Новалиса, скептическая философия Леопарди, морализм М. Штирнера, воззрения Гегеля, экзистенциализм Кьеркегора и Камю).

Наибольший интерес, по нашему мнению, в этой главе представляет второй пункт, который посвящен вопросу рецепции шопенгауэровской доктрины в русской периодике 1850–1860-х годов. Материал раздела хорошо систематизирован. Диссертант дает ссылки на такие журналы, как «Русский вестник», «Русское слово», «Современник», излагает содержание «Писем о Германии» С. Рачинского, указывает на то, что в 1860-е годы был подготовлен журнальный вариант «Метафизики половой любви» в русском литературном переводе. Можно лишь посочувствовать на заметно малый объем этого очень любопытного раздела (отсюда – не совсем ясно, хотелось бы уточнить: вызвано это трудностью сбора информации или объективной ограниченностью журнальных обращений к философии Шопенгауэра на данном этапе ее рецепции в России: ведь внимание к германской культуре во второй половине XIX века, в эпоху научного позитивизма, в эпоху понимания необходимости совершения «конкретных дел», было в целом велико? см. на с. 48 автор диссертации пишет следующее: «Если до 1860-х годов к творчеству А. Шопенгауэра обращались крайне редко и зачастую случайно, то с этого момента <то есть, надо полагать, с 1860-х годов. – Р.Б.> начался первый виток интереса к его философии»; в то же время И.С. Андреева в статье «Философия Шопенгауэра и русская литература» отмечала, что «в 60-е годы <XIX века. – Р.Б.> в России еще не было широкой популярности философии Шопенгауэра...», причина – отсутствие русских переводов при возможности приобрести издания на немецком языке (Человек: образ и сущность. Гуманитарные аспекты.

2003. № 1 (14). С. 83), в библиографическом списке диссертации статья значится под № 110).

Вторая глава содержит обзор этих обращений в хронологическом отрезке между 1870 и 1890-ми годами. Диссертант здесь добросовестно, кропотливо перечисляет и анализирует высказывания русских философов, публицистов, критиков и писателей о Шопенгауэре и его философии. Базовыми журналами стали для автора «Отечественные записки», «Русский вестник», «Вестник Европы», «Труды Московского психологического общества», главными газетами – «Новое время», «Московский листок». Отдельно упомянут тот факт, что в 1880 году вышел в свет фетовский перевод работы Шопенгауэра «Мир как воля и представление» (полный – в 1881 году). Совершенно справедливо желание диссертанта подчеркнуть важность публикации рецензии на него в «Отечественных записках» (№ 254 за 1880 год). В этом отношении, однако, оправдан и вопрос: рецензия (анонимная) на перевод в «Отечественных записках» была единственной или же имелись отзывы о переводе (отдельные или в составе обзоров), изданные в других журналах и газетах? (Сколько всего было рецензий на значимый фетовский перевод в российской печати? Есть ли какая-то библиографическая статистика на этот счет? В третьей, «персоналогической» главе, о Фете и его переводческой деятельности, сведений об этом также нет, но вопрос, думается, закономерен...).

Как и в случае с первой главой, во второй интересен второй раздел, о писательском восприятии Шопенгауэра. Вопрос о первенстве его открытия, как утверждает диссертант, остается не до конца проясненным: либо В.Ф. Одоевский, либо И.С. Тургенев – оба «русские европейцы», оба яркие представители русского художнического интереса к германскому культурному миру. Автор приводит в этом параграфе весьма убедительные наблюдения над произведениями Тургенева, в которых звучит, реализует себя «шопенгауэровская тема» (рассказ «Смерть» из «Записок охотника», роман «Отцы и дети», повести «Призраки», «Довольно», а также «Песнь торжествующей любви» и т.д.: с. 81–83). Для аргументации привлекается материал эпистолярного наследия Тургенева, как и Л.Н. Толстого, для которого «А. Шопенгауэр стал неотъемлемой частью его интеллектуального <наверняка и духовного! – Р.Б.> интереса» (с. 83). Говоря о Толстом, диссертант приводит философские труды писателя («Что такое искусство?», «Исповедь», «О жизни»). А в собственном литературном наследии Толстого имеется ли «шопенгауэровский слой» значений? Проявился ли он в позднем периоде творчества, когда Толстой мыслил откровенно цитатно, видя свою цементирующую роль в качестве внимательного и дотошного собирателя универсальных (поверх национальных границ) морализаторских сентенций («Круг чтения», «Мысли мудрых людей на каждый день» и т.д.)? Фиксировался ли образ Шопенгауэра в дневниковой прозе Толстого – опытах напряженной психологической саморефлексии?

Последовательным сторонником Шопенгауэра на художественной почве в аспекте проблемы свободы, воли, страсти, судьбы предстает, по мысли диссертанта, Д.Н. Мамин-Сибиряк. Автор диссертации настаивает на том, что

«уральский писатель увидел в Шопенгауэре полезного собеседника» (с. 91). Таким же «собеседником», как считает диссертант, оказался Шопенгауэр для Н.С. Лесков. Элементы философии Шопенгауэра обнаруживаются в повести «Леди Макбет Мценского уезда», рассказах «Зимний день», «Продукты природы», «Загон» и т.д. Более подробно диссертант останавливается на творческой системе В.М. Гаршина, которая определяется в шопенгауэровском свете как условный мир, «насыщенный экзистенциальным страхом и нависшей невидимой мировой волей над его героями» (с. 94) (рассказы «Трус», «Ночь», «Четыре дня»). Диссертанта привлекает внимание проблема «Достоевский и Шопенгауэр». Верно считая, что диалогическое поле произведений Ф.М. Достоевского обладает повышенной сложностью, но оговариваясь, что связи русского писателя и немецкого мыслителя «еще требуют дополнительного и обстоятельного разбора» (с. 103–104), шопенгауэровский «голос» диссертант распознает в «Записках из подполья», «Белых ночах», практически во всех «великих романах» писателя. Отражение шопенгауэровских образов находит автор диссертации и в творчестве А.П. Чехова, его эпических и драматических сочинениях («Палата № 6», «Дядя Ваня»). Детальному разбору тут подвергается пьеса «Дядя Ваня», но почему-то среди приведенных доказательных цитат отсутствует хрестоматийно знаменитое для шопенгауэровского контекста высказывание Войницкого («дяди Вани»), обращенное к Серебрякову: «Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если бы я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоевский...». Отметим также, что характеристика чеховского драматургического стиля («Абсурд... – не столько алогизм и бессмыслица, сколько поиск смысла и счастья в заведомо абсурдном мире» – с. 108), не отличается принципиальной новизной, об этом писалось многократно. Позиция автора, согласно которой немецкий философ был для Чехова не столько «собеседником, сколько как частью общего умонастроения» (с. 110), нуждается в серьезном разъяснении, потому что она как будто находится в противоречии с тезисом, который диссертант провозгласил ранее: «теория А. Шопенгауэра в творчестве А.П. Чехова является одним из инструментов конструирования персонажного образа, без которого создать реалистичную модель личности того времени было невозможно» (курсив мой. – Р.Б., с. 110). Иными словами, означает ли это, что, воссоздавая образ героя, Чехов ориентируется исключительно на атмосферу, «климат» своей эпохи и затушевывает собственный полемический «голос»? Если он отказывается быть «собеседником» Шопенгауэра, то как быть, к примеру, с повестью «Палата № 6» (упомянутой в диссертации в связи с авторитетным мнением А.П. Скафтымова – с. 110), в которой Чехов выразил – пусть не прямо, а косвенно, через речь персонажа – идеи, смущавшие его, Чехова, в толстовстве, учении Л.Н. Толстого – фигуры, явно входившей в «общее умонастроение» того времени? (Конечно, академическое чеховедение в вопросах об источниках философии Рагина придерживается значительно более взвешенного, осторожного взгляда, полагая, что их было много, и допуская естественную общность, пересеченность мнений Толстого, Шопенгауэра, Марка Аврелия в

вопросах жизни и ее смысла; полной однозначности тут нет, несмотря известную фактографию круга чеховского чтения в период работы над текстом произведения. Тем не менее исследователи, как правило, не ставят под сомнение активный характер чеховского взгляда на жизнь, несмотря на его скрытность, приглушенность в художественных сочинениях...).

В целом все аккуратно изложенное автором в этой интересной главе провозирует возникновение *концептуального вопроса* о соотношении «рационального» и «интуитивного», «контактного» и «типологического» в творческом сознании писателя. В какой мере шопенгауэровская философия влияла на становление, формирование художественных ощущений писателей, образно-мотивного строя и проблемных узлов их произведений? Это было отражение простого зеркального вида (чтение Шопенгауэра – воспроизведение Шопенгауэра) или непрямого типа, со сложнейшим, путаным «узором», «рисунком» рецепции, в котором органично сочетались индивидуально-личные предпочтения, национальные константы, эпохальные тенденции, социально-культурные особенности? (Та же пессимистичность позднего Тургенева, как показал В.Н. Топоров в небольшой монографии «Странный Тургенев (четыре главы)» (М.: Изд-во РГГУ, 1994. 191 с.), имела своим основанием не столько «мироощущение эпохи», сколько наличие потаенных психофизиологических реалий; «страх смерти», «боязнь заболеть (холерой)», «тяга к сновидением», «мистическое толкование событий жизни» и проч. состояния навязчиво преследовали Тургенева всю жизнь, не всегда он был властен над ними...).

Третья глава включает материал о восприятии Шопенгауэра в творчестве Фета («персонологическая» глава). Диссертант включает в нее хорошо известные сведения биографического плана, чтобы объяснить личные мотивы обращения Фета к немецкому мыслителю, продемонстрировать жизненный, «бытийный» контекст их появления (безденежность, длительная неустроенность быта, неопределенность социального статуса в связи с происхождением и т.д.). Все это должно подвести к мысли, что «горизонт ожидания <Фета. – Р.Б.> был достаточно сформирован для того, чтобы воспринять близкое по духу умонастроение пессимистической философии» (с. 117). Касается автор прозы Фета (повесть «Дядюшка и двоюродный братец»), обнаруживая в ней мотивы одиночества, разочарования в идеалах, чувство мимолетности, хрупкости существования. Систематизирует он и фетовскую переписку с разными адресатами (но прежде всего с Л.Н. Толстым), связанную с переводами из Шопенгауэра (творческая история перевода). Главное внимание уделяется сборнику «Вечерние огни»: рассматривается состав выпусков, входящих в него; определяется основной принцип их построения («структурная логика сборников построена в определенном онтологическом ключе, позволяющем даже самым обыденным событиям придать глубокий смысл», с. 145); выявляется система лейтмотивов («неосуществимость счастья на грешной земле», «подчиненность человека слепой воле», «эфемерность / иллюзорность жизни», танатологические ощущения, любовные чувства и т.д.).

Не будет ошибкой сказать, что это наиболее сильная глава диссертационного исследования. Здесь много тонких, вдумчивых текстовых наблюдений (на уровне лексико-семантического и мотивно-образного разборов). Свою задачу автор видит в том, чтобы найти в сборнике Фета переключки, параллели, схождения и расхождения с системой шопенгауэровских воззрений. По сути, диссертант сравнивает и сопоставляет две философии: поэтическую и непоэтическую (в образно-выразительной форме Фет разворачивает собственную философию бытия и сознания, стержнем которой является культ красоты как спасительной силы).

Оценивая диссертацию панорамно, мы должны сказать, что она оставляет благожелательное впечатление. Постановка научного вопроса в ней закономерна, несмотря на некоторую разработанность темы. Структура ее логична. Библиографический список большой (насчитывает 241 наименование работ, в том числе несколько – на иностранных языках). Стиль изложения доступен для понимания концепции исследования. Много ценных наблюдений над текстовой фактурой произведения, и все они носят вполне самостоятельный характер. Удобно и то, что каждая глава включает емкие лаконичные выводы. Хотя основной фигурой рецепции Шопенгауэра, в сущности, выступает Фет, приемлемо учтен и описан русский историко-литературный контекст («ландшафт»). Диссертация прошла необходимую апробацию. Выводы и материалы диссертации могут быть использованы как на общих, так и специальных курсах по истории русской литературы, в ходе изучения компаративных дисциплин (философская и литературоведческая компаративистика), теории и истории рецепции, филологического анализа текста.

Автореферат диссертации оформлен в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми в такого рода жанрам научного творчества.

Хотелось бы обобщенно сформулировать вопросы по содержанию диссертации:

1) Когда речь идет о рецепции (и творческом диалоге) различных систем, современные литературоведы нередко употребляют термин «текст». В основу его классификации обычно берут: (а) территориальный (географический, локальный), (б) религиозно-идеологический, (в) культурно-исторический признаки. Так, известно, что существуют «петербургский / мусульманский / античный тексты» русской литературы. Можно ли за основу выделения новой классификационной ячейки взять *историко-философский дискурс* с отчетливой ориентацией на какую-либо крупную фигуру носителя системы воззрений? Можно ли говорить о «шопенгауэровском тексте» русской литературы (и по аналогии, допустим, о «платоновском тексте», «кантовском тексте» и т.д.)? Если да, то что собой этот «текст» теоретически представляет (из каких семантических элементов он складывается)?

2) Каково, по разумению диссертанта, *национальное* своеобразие рецепции Шопенгауэра в России? Полагаем, что поставить так вопрос в конкретном случае уместно, держа в фокусе внимания то обстоятельство, что литература (и значит, литературно-художественная рецепция) сосредотачивает

национальный дух породившего ее народа. Чисто философское восприятие Шопенгауэра на этом фоне более универсально, менее чувствительно к национальному, хотя, естественно, не лишено его полностью.

3) Имеются ли сведения об объективных и субъективных трудностях, с которыми сталкивался Фет (опытный переводчик с латинского) в процессе перевода трудов Шопенгауэра с немецкого языка на русский (ср. понятийно-терминологический аппарат, грамматико-синтаксические конструкции, стилистические модели)?

Вопросы и высказанные замечания не умаляют высокой оценки проделанного А.В. Комковым труда.

Диссертация «Пути рецепции философии А. Шопенгауэра в русской литературной культуре второй половины XIX века» соответствует паспорту научной специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации, отрасль – филологические науки, и требования п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней УрФУ», а ее автор Комков Антон Валерьевич заслуживает присуждения искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальности 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации.

Официальный оппонент:

Бекметов Ринат Ферганович,

доктор филологических наук

по специальности 10.01.01 Русская литература,

профессор кафедры русской литературы

и методики ее преподавания

Института филологии и межкультурной коммуникации

Казанского (Приволжского) федерального университета

Бек

29.04.2025 г.

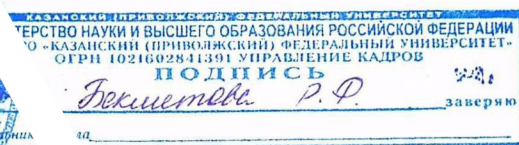
Адрес: 420021, Россия, Республика Татарстан,
г. Казань, ул. Татарстан д. 2 (уч. зд. № 33), ИФМК КФУ,
каб. № 318.

№ тел.: 8(843)292-42-87, e-mail: ifmk@kpfu.ru

Личные данные:

№ тел.: 89196978459,

e-mail: Rinat.Bekmetov@kpfu.ru

1 кате
и персоналу
и